

Метод и проблема Бога

Хулиан Мариас (Julián Marías)

(Издательство: Jean Lauand; Перевод Заболотских К.И.)

Resumo: Conferência de Julián Marías “El método ante el problema de Dios”, Madri, 1999. Editada por Jean Lauand. Tradução do espanhol: K. I. Zabolotskikh. Orig. <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4550/1/sf-07-69.pdf> Univ. dos Urais.

Palavras Chave: Deus. Filosofia. Método.

Abstract: Lecture by Julián Marías “El método ante el problema de Dios”, Madri, 1999. Edited by Jean Lauand. Translation into Russian: K. I. Zabolotskikh. Orig. <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4550/1/sf-07-69.pdf> Univ. of Urais.

Keywords: God. Philosophy. Method.

Основной отправной пункт: проблема Бога не является первоначально философской проблемой. Понятие Бога - это религиозное понятие, с которым философия должна сделать нечто, естественно, может быть многое; но изначально, это не философская тема или понятие. Тем самым, если хотите, в этой форме мышления находится то, что называется предфилософией.

Предфилософия - это не философия; предфилософия это именно некоторый тип реальностей, которые появляются, с которыми встречается философия, которые будут философскими вопросами, если они поставлены, выработаны, названы философией; то есть, если с их помощью создается философия; но если нет, она еще не является этим.

Большая часть философских вопросов - это вопросы, порожденные реальностью: вы думаете о сущности природы: что есть природа?, что надо понимать о природе, что хочет сказать, например, понятие *physis*, на греческом? Это нечто, что есть здесь, реальность, которую надо понять, которую надо интерпретировать. Включая реальности другого типа: например, познание; познание - это реальность исходя из которой устанавливается философия, истинна она или нет, истинно ли познание или нет. Вы думаете о скептическом вопросе, который гласит: нет истины, истина недоступна, и т.д. Это позиция возможна философски и это часть реальности, которая является познанием, согласно которому можно сказать, что оно не действительно, что оно не истинное познание и т.д. То же самое происходит даже с проблемой реальности внешнего мира: есть крайние идеалистические позиции или даже солипсистские - в известной степени у Беркли - согласно им, этот внешний мир не таков, не имеет истинной реальности... но он здесь находится, это то, о чем мы говорим: мы отрицаем адекватную реальность, истинную, глубокую или достаточную...

В случае с Богом ситуация иная. В случае с Богом, нет реальности, которую мы будем исследовать или даже отрицать: она не существует! Во-первых, когда мы говорим «Бог», это идея, идея и реальность, которая точно не находится здесь, не находится перед нами, не является очевидной... То есть, встречается религиозная идея Бога, это религиозное понятие. В этом случае,

ссылаются на реальность, которая не является, которая не находится здесь, которую мы не встречаем и в этой мере она не проверяемая. И которая тем самым, есть то, что надо подвергнуть сомнению в его собственном существовании: в зависимости от того, имеет оно реальность или нет, это есть идея.

Поэтому очевидно, что если философия сталкивается с этой проблемой, с этим понятием, она находит это чуждым своему содержанию, собственно говоря. И это - именно это парадоксально - это неизбежный вопрос. Неизбежный, поскольку он не принадлежит своему содержанию – собственно высказанному - появляется понятие Бога, если производится понятие Бога, это заставляет философию ставить этот вопрос. В конечном счете, мы говорим, что необходимость в проблеме приходит извне, в конечном счете, есть деяние - деяние Бога, которое не появляется неизбежно как деяние и я полностью его не обнаруживаю, которое есть деяние идеи Бога.

Но идея Бога, говорить о Боге, означает интерпретацию реальности. Реальность имеет смысл и другой - абсолютно отличный - если полагаться на Бога или нет, если есть Бог или нет. Тем самым, получается следующее: когда допускается «Бог» берется позиция, берется позиция уже об интерпретации реальности, о смысле реальности, не о том, о чем был этот смысл, но о том, имеет она смысл или нет.

Вы видите тем самым, качество этого вопроса: в принципе несущественного для философии, не внутреннего, но того, который заставляет философию ставить его: потому что он встречается, так скоро как появляется это имя, естественно, с содержанием, а не просто имя - ставится под вопрос видение реальности, всей реальности. Тогда проблема существует, если этому имени соответствует нечто и тем самым если реальность полностью, реальностью в своей общности - точно та, которая является более или менее явной и с которой мы должны создавать нас самих, - в зависимости от того, имеет ли эта реальность смысл или каков этот смысл.

Тогда, по моему мнению, это собственно философская постановка проблемы Бога: то есть, распознавать, что не принадлежит философии *per se*, прямо, но предфилософии, которая предлагает последующей философии отличающуюся деятельность, которая является религией. И поэтому, религия не имеет философского бытия: человек - религиозен возможно во всей своей истории, человек полагается а Бога - в одной или другой форме - без которой ему не приходит в голову создавать философию- не будем забывать также, что философия существует в манере прерывистой: философия создается только в некоторых местах мира, в определенные эпохи, в прерывистости

То есть ставится вопрос, который может стать адекватным методом для того, чтобы философски проанализировать проблему: здесь идет речь о философии, а ни о теологии, ни о религии: религия- это именно то, что вводит проблему, ставит необходимость видеть если эта реальность существует и тем самым реальность воплощается в факте что Бог справедливо есть. И главная черта, то что мне кажется, является движущей силой вопроса, это именно то что предполагает собственную сущность философии: философия отделяет *понятность* от реального. Реальное понятно и тем самым мы можем спрашивать у него и пытаться понять его. Это тоже является предфилософией, это также предшествующее философии, это вера, это не результат философского познания. Философ часть того нечто, что не является философией: вера в которой реальность является понятной и которая тем самым может вопрошать к ней самой, может ее исследовать, может ее пытаться понять. Вообразите форму человеческой жизни - мы не говорим о формах жизни, которые не человеческие

- которые не составляют части этой *веры* – я подчеркиваю этой веры - она предвидит, что реальность в ней понятна, (по меньшей мере, в принципе: может быть не вся, может быть не полностью, может быть не исчерпывающе, но понятно...).

Итак, справедлива эта вера, вера, которая делает возможной философию - в общем, наука это познание, включая теоретический разум; все это часть предфилософской веры, я настаиваю на понятности реального - оно имеет узкую связь точно с тем, что вводит эту идею Бога религиозного происхождения, которая может не иметь выводов философских, *но* если философия сталкивается с этой идеей, если имя «Бог произнесено в философском контексте, философия обязана поставить этот вопрос и тогда, рождается философская проблема: философская проблема Бога, которая не является ни религиозной проблемой, ни теологической, но только узко философской проблемой.

Очевидно, что идея понятности - никогда не надо достаточно настаивать на этом - зависит от того, как реальность была понята, была обдумана. Очевидно, что если реальность понята, она понята кем-то: он ее может понять, он ее может исследовать понимая, он может дополнить понимание, он может прийти к совершенному пониманию - трудно, невероятно, но в принципе, возможно. Тогда, а если этого не случится? Что нам позволяет точно верить в понятность? Я хочу сказать, что нечто понятно, я хочу сказать, что оно имеет смысл и этот смысл может его раскрывать и соответствует точно тому нечто, что понятно, схеме структуры, системе связей, каким - нибудь связям, которые оно может исследовать, может открывать, может быть таким способом, который с человеческой точки зрения, всегда будет частичным, несовершенным, но здесь находится возможность понимания.

Есть уровни понятности. Есть идея, которая всегда очень меня занимала: понимать жизнь животных. Очевидно, что биология и зоология сильно прогрессируют, да, но я думаю, что еще не хватает многого в рассмотрении того, что есть жизнь животных, что для меня оказывается в высшей степени вызывающим беспокойство. Очевидно огромное, нереальное богатство животного мира: сотни тысяч известных видов, классификаций, - известных зоологам! Не забывайте это; есть около 300.000 видов жуков и мы не говорим о том, если взять союз животного царства.. Тогда мы сталкиваемся с тем, что есть уровень понятности: если мы берем высших животных - собаку, кошку, тигра, лошадь - нам стоит большого труда представить себе что может означать глагол *жить* в отношении каждого из этих высших животных. Очевидно, во многих есть понятность, достаточно понятности: они понимают многие вещи, участвуют в понимании; возможно то, чего им не хватает - радикально – это идея понимания. То есть, животное, включая высшее животное не ставит проблемы, не ставит вопросов, оно разрешает ситуации, ориентируется многими способами - в основном хорошо, с таким вызывающим беспокойство совершенством - при помощи системы инстинктов - и мы не думаем, что система инстинктов это чистый механизм, это и не есть это, животное имеет инстинкты, но имеет перцептивную систему - иногда тончайшую- животное видит реальный мир, слышит, чувствует реальность, различает реальности, различает пищу по ее виду: меня с детства всегда поражало это странное животное шелковичный червь, который на протяжении всего своего творения ест только лист тутового дерева - Боже мой, какая избирательность!

Очевидно, что животное имеет очень тонкую перцептивную систему; оно видит добычу, ее преследует и настигает, убивает ее и съедает. Есть элемент, скажем мы, понимания (не проблем, а ситуаций), который действует

обычно с большим успехом, но не спрашивает себя, мир не появляется для животного как понятный: он понимает без необходимости видеть его как понятный. Человек другая вещь, человек всегда ставит вопросы. Для человека характерно находит он или не находит разрешение: он ставит вопросы. Именно реальность для него проблематична; проблема есть нечто, с которым я встречаюсь и говорю *я нуждаюсь*. Естественно, есть многие вещи, которые мне не необходимо знать: если я спрашиваю у вас: «Сколько волос у вас на голове?» Мы не имеем идеи этого и нам это не надо ни для чего, это не проблема. Тогда предположим, что нам скажут: «Если вы имеете четное число волос, ничего не происходит; если вы имеете нечетное число, мыотрежем вам голову». Это появится как проблема и какая проблема! И нас очень интересует нечто, что для нас не важно абсолютно ничто: что значит знать сколько волос мы имеем на голове.

Это есть разница, это есть вопрос: проблема — это есть нечто, что мы не знаем, но нам *необходимо* знать, мы хотим знать на что нам опираться. То, что нас приводит к рассмотрению того, о чем мы говорим в иной раз: современный человек имеет склонность пожимать плечами, когда его спрашивают что произойдет с ним после смерти... Для чего ему служит все, что он знает или может знать, если он не знает на чем основываться относительно самого главного из всего? Потому что он знает, что умрет, но не знает, что значит умирать и что происходит после. Чему служит все, что он знает, чему служит все то, что он старается узнать? Очевидно, это непоследовательность, это значит жить в понятном реальном мире, чей характер это понятность и тем самым есть возможность ставить вопросы о нем, но он останавливается в постановке вопросов, он считает, что это - что это самое важное - не есть проблема, и, в конечном счете он возвращается к тому, что предполагает, что есть его предки относятся к жизни животных (то что мне кажется, с каждым разом менее возможным, каждый раз менее вероятным).

То есть мы установили некий параллелизм, потому что очевидно, если «Бог» хочет сказать что-нибудь, он хочет сказать, что реальность - понятная, что этот мир был - мы говорим слово неподходящее - «помыслен» Богом, понят Богом, создан Богом. В креационистских религиях, созданных согласно плану, проекту, функция, система отношений, которая позволяет, понять то, что человек - мало помалу, с недостатками...- понимает: то есть дает понимание основ.

Тогда, если нет этой понятности, что происходит? В общем, мышление последних столетий отвергает это. Отвергает это, не отдавая себе отчет в том, что оно тянет за собой смысл своего занятия, своего призвания. Говорят о том, что - это известно - что Наполеон спросил у Лапласа, что он думает о Боге, и тот ответил: «это гипотеза, в которой я не нуждаюсь». Он в ней не нуждался для того, что он делал, для специфического исследования, астрономического, очевидно нет; для того, чтобы понимать реальность, да, да, если ему надо поставить проблему! Надо поставить под вопрос возможность понимания реального, всего реального, какой-нибудь реальности, до самых элементарных, до материала, физики... Потому что если не появляется другой вопрос – мы упоминали о нем в другой раз - это лейбницевская формула, которую обновил Унамуно и позже окончательно Хайдеггер: «Почему есть нечто, или скорее ничто?». Хайдеггер говорит *ente - Seiendes*. Почему есть нечто? Почему есть реальность? Меня удивляет всегда, сильно: «Почему есть нечто? Почему есть проблемы, почему есть мир? Почему есть люди, почему есть отдельные люди? Как странно, не правда ли? Как странно! Потому что могло бы не быть ничего!

И получается, конечно, что есть реальность, которая находится здесь, полная, разнообразная, но почему?

Очевидно, что понятие Бог это тип высшей, полной реальности; в христианстве и в иудаизме, творец, автор всей реальности. И тогда да, уже внутри этого мы встречаемся с вопросом, который мы поставили, внутренним вопросом, вопросом определенной области: что происходит с этой реальностью, которая существует, в которой я нахожусь и о которой я спрашиваю.

И есть нечто более важное: то, когда философия встречается с проблемой Бога, она встречается с идеей, которая уже прежде имела позицию; она видит реальность в перспективе, того, что Бог есть - с тем, что понятно или нет. И, ясно, проблема заключается в том, что если мы не берем точно идею Бога как определенную реальность, и тем самым объясняем понятность, которая является отправной точкой: какой смысл имеет то, что я спрашиваю у реальности, если реальность не имеет смысла? Если никто ей не дал смысла, и никто не дал ей возможность познавать смысл...

Это мне кажется самым главным. Но в длиннейшей философской традиции - появляется с очевидностью Бог в философиях, в самых наиболее древних, во всех (или почти всех) - именно эта проблема не появляется: получается, конечно, что одна из областей философии неизбежно является реальностью, которая есть Бог; существование - да, Бог существует: проблема, которую ставили много раз и совершенно разными способами - существование и то, что называется сущность Бога: существует ли оно и что это есть? Но, в конечном счете, получается, безусловно, то, что находится в вопросе и для меня вопрос состоит в том, что было нечто странное в философии, чуждого ей, пред философского. И это именно то, что заставляет ставить вопрос, если только, кто-то *не хочет* ставить этот вопрос. Избежать вопроса. Атеизм отрицает существование Бога, но есть позиция, которая, в конце концов, еще более радикальна: она призывает не ставить этот вопрос, не хотеть ставить его. Например, такова была позиция логического эмпиризма, в эпоху сегодняшнюю: вопрос Бога не имел смысла, не имело смысла говорить в этом случае об истине или лжи, потому что это не доказывается эмпирически: под предположением того, что ничто не имеет ценности познавательной, если оно не доказуемо эмпирически. Не вижу как...

Я еще далеко от того, чтобы поставить проблему Бога, я спрашиваю, какой смысл это имеет, какая есть необходимость ставить эту проблему и что есть условие чего?

Но, я думаю, что надо сделать еще один шаг. Я говорю о человеке и человеческой жизни, и я различаю то, что есть человеческая жизнь в отличие от животной жизни (столь мистической, повторяю я, сильно настаивая на мистичности). Человеческое, эта реальность привычная, которая есть мы сами, человеческая жизнь со своими собственными характеристиками. Получается следующее: человеческое, то, что есть человек и то, что человек делает, его творения есть нечто непонятное для остальной реальности.

Проблема заключается в том, что человек не похож - если он похож на все реальное, очевидно только, в физико-химическом составе, в физиологии и т.д. он похож на животных и растения, на горные породы - но реальность, которая получается - это человек, человеческая жизнь как таковая не похожа ни на что: это есть нечто полностью отличное; среди других причин - и оно не есть самое главное - потому что все остальные реальности являются реальными, кроме нашей, которая является реальной и ирреальной. Человеческая личность реальна - конечно - но настолько как и реальна, она ирреальна: воображаемая,

проективная, направленная в будущее...это не соответствует никакой другой реальности: камню, растению, насекомому, собаке, лошади и т.д., они реальны, составляют реальность, но мы - нет; мы столь же реальны, сколько ирреальны - проективны, воображаемы - и творения человека - как другой мир, который добавляется к реальному миру. Добавляется, в особенности, потому что он по своей сути понятный. Даже сосуд, самый простой, который сделан для того, чтобы пить, состоит именно в реализации, в стекле, в проекте человеческой жизни, которая есть напиток: ни больше, ни меньше. Это именно его смысл, во внутренней форме, как условие его собственной реальности. Поэтому, очевидно, все что делает человек, то есть мир, который человек вырабатывает с обстоятельствами, с тем, что его окружает, с тем, что он встречает, с тем, говорим мы, естественно - имейте в виду, что «естественный» - это слово очень искусственное, это человеческое понятие, появившееся в VII веке до н.э., понятие историческое, философское, относительно недавнее - человек и все человеческое - есть как мир внутри мира. Вы согласитесь с известной книгой Макса Шелера *Die Stellung des Menschen im Kosmos*, «Место человека в космосе», да, очевидно человек есть часть космоса, но я поворачиваю вопрос по-другому: положение космоса в человеческой жизни. В действительности, ситуация противоположная: я встречаю космос, встречаю мир, я спрашиваю у него; это есть то, что делает физик, астроном... В моей жизни, в моей жизни появляется космос. Без сомнения вопрос поставлен в строго противоположном, точно противоположном виде.

Тогда это означает, что человеческий мир - человек и мир, выработанный им - мир, в котором изначально живет человек, определен именно внутренней понятностью, и, следовательно, если уничтожается эта понятность, если исключается смысл, не понимается ничего, абсолютно ничего. Есть, тем самым, противоречие, жизненное противоречие - лишить мир и, в частности, человеческий мир понятности.

Как вы видите, это есть постановка достаточно отличная от обычных. Очевидно, что если появляется, если просто произносится, высказывается понятие «Бог» это означает внутреннюю революцию в философском мышлении. И очевидно, отправной пункт, метод, дорога для постановки его должна быть именно этой частью той реальности, что имеет смысл, по своей сути: человек, человеческая жизнь. Только мир, космос, не могут привести меня прямо к постановке этой реальности не проявленной, скрытой, чье существование проблематично, которую мы называем Богом. Надо ставить проблему, начиная от человека, начиная с человеческой личности, которая, как говорит нам религия, была сотворена по образу и подобию Бога, но, включая, эту точку зрения узко философскую, которая говорит, что надо чтобы она была неизбежно самой похожей, потому что это именно то, что имеет внутренний смысл; без которого это абсолютно невозможно понять. Тогда, человеческая жизнь насыщается понятностью: я делаю нечто, *потому что...* имею такие обстоятельства; *потому что* я претендую быть нечто детерминируемым; *потому и для того*, что поэтому понятность принадлежит внутренне человеческой жизни. Я не могу жить по-человечески, просто не могу жить без выполнения интеллектуальных операций, которые позволяют понимать мне все реальное.

Я могу жить только в мире понятном, делая его понятным; человек питается - питается, определенно, кислородом, азотом, компонентами воды, пищей и т.д.- но, прежде всего этого, он питается понятностью, в действительности, это основное питание человеческой жизни. Действительно,

это не питает ни тигра, ни овцу, ни насекомое; но человека да, человек может жить только в поисках истины, понятности.

Эта мысль, которая может быть адекватным методом для постановки проблемы Бога, таинственной проблемы, потому что Бог не проявлен, потому что я его не встречаю в никакой части, потому что есть момент неуверенности, несмотря на то, что существуют очень согласованные умозаключения для утверждения существования Бога или наиболее живой и самой глубокой религиозной веры, существует момент неуверенности, проблематичности, существующего, но недостоверного понимания: я не знаю, существует ли Бог, я не знаю, как есть Бог, то, что происходит это то, что необходимо знать: это является вопросом. Человек определяется гораздо больше по своим потребностям, чем по своим возможностям. Я говорил много раз - я написал целую книгу об этом - что счастье в этом мире гораздо легче доказать, чем это невозможно. Если то, что происходит, есть то, что необходимо, что все что мы делаем, мы делаем для того, чтобы попытаться стать счастливыми, поэтому я называю счастье «необходимая невозможность». Итак, мы говорим, что именно понятность - именно она включает постановку проблему Бога, да, мы хотим иметь человеческую жизнь, жизнь собственно человеческую и тем самым, создавать смысл, справедливо это не просто, я в этом уверен даже невозможно, это есть нечто большее: это необходимо! Большое спасибо!

Recebido para publicação em 12-11-12; aceito em 18-12-12